

УДК 504.05

ПОЛЬСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Войцех Сломский (Варшава)

Аннотации

Рассматриваются особенности формирования польской философии в контексте европейской философии в частности и европейской культуры вообще. Предлагается в поисках ответа на вопрос о философии, удовлетворяющей потребности современных поляков, вспомнить и о концепциях "польской национальной философии XIX века".

The features of forming of Polish philosophy are examined in the context of European philosophy in particular and the European culture in general. Searching the answer for a question about philosophy, that may satisfy the necessities of modern Poland, the author offers to remember also the conceptions of "Polish national philosophy of XIX age".

Ключевые слова

ФИЛОСОФИЯ, ПОЛЬСКАЯ ФИЛОСОФИЯ, ФИЛОСОФСКИЕ КОНЦЕПЦИИ, ИДЕНТИФИКАЦИЯ, ПОСТМОДЕРНИЗМ, МЫШЛЕНИЕ, МЕССИАНИЗМ

Вступление

В своей работе мы исходим из следующего: польской философией является любая философская рефлексия польских философов, которая отвечает определенным потребностям поляков. Итак, для того, чтобы ответить на вопрос, что представляет или что должна представлять собой польская философия, необходимо определить те потребности, которые она могла бы удовлетворять.

Меньше всего вопросов возникает в связи с понятием философия, под которой мы в своей работе понимаем просто деятельность, осуществляемую профессиональными философами (или как определенное собрание текстов, что, в принципе, является одним и тем же). Таким образом, задаваясь вопросом о том, в какой философии нуждаются поляки, мы поднимаем вопрос о том, чем должны заниматься философы, что бы эти потребности поляков удовлетворить.

Гораздо более многозначным выступает понятие "поляки". Кого мы подразумеваем под поляками: народ, общество, интеллектуальные элиты, политиков и различного ранга чиновников, а может быть еще кого-либо иного? В настоящее время Польша продолжает находиться в русле трансформационных перемен, в ходе которых наряду с политико-экономической системой изменяется общественное сознание. Исходя из этого, можно задаться вопросом: обязана ли философия в данном случае заниматься актуальными потребностями поляков здесь и сейчас или ей необходимо сосредоточиться на предугадывании потребностей,

которые возникнут несколько десятилетий спустя? А, может быть, ей самой следует формировать и создавать потребности соответствующие определенной философской концепции? Вполне очевидно, что поляки являются не монолитом, а комплексом, состоящим из многих подкомплексов, отличающихся самыми разнообразными чертами, идеалами, целями и потребностями. Поэтому, в принципе, нет оснований утверждать, что возможно выработать какую-либо достаточно единую, монолитную философию, которая смогла бы соответствовать этим разнообразным целям и потребностям [6, с. 14].

Цель статьи

Прежде, чем мы дерзнем сформулировать предложение, касающееся "ожидаемой" поляками философии, нам необходимо задуматься также над тем, какой смысл мы вкладываем в определение "нуждаться" относительно этой самой философии. Поскольку здесь, в свою очередь, можно иметь в виду определенную потребность или комплекс потребностей, которые должна была бы удовлетворить философия и которые без этой философии остались бы не удовлетворенными. В данном случае мы должны были бы так же решить, являются ли эти потребности актуальными, или лишь потенциальными. В то же время, если мы остановились бы на том, что речь идет не об одной потребности (например, наличие определенного мировоззрения), а об их большем количестве, то мы должны были бы также уметь их иерархизировать, т.е. определить потребности более или менее важные. В начале пути вопросов, связанных с такой постановкой дел, было бы наверняка значительно больше; более того: уже само определение этих потребностей явилось бы ответом на вопрос о характеристиках, которым должна соответствовать философия.

Обоснование проблемы

Вопрос о необходимости наличия определенной философии и занятиях ею можно, однако, понимать иначе. Можно предположить – и это является одним из предположений, на которых основаны данные размышления, – что существует присущая человеку универсальная потребность в философии и что поляки нуждаются в философии, прежде всего, как отдельные люди, а не как определенный народ. Согласие с этим предположением означало бы, что поляки должны лишь "приспособить" основное философское течение к собственным потребностям, хотя трудно определить, на чем должно было бы основываться такое "приспособление" даже притом, что в истории польской философии многократно выдвигался этот "приспосабливающий" постулат. Поскольку же, как здесь утверждается, человек по своей природе является существом, ищущим истину, а способ, каким он эту истину ищет, детерминирован определенными индивидуальными, общественными и политическими факторами, то это процесс "приспосабливания" должен охватывать также меньшие целости, и, в конце концов, самого индивида, от которого следовало бы

ожидать выработки собственной философии. Суждение о существовании универсальной необходимости философии (или потребности поиска истины, отличающейся – на что обращал внимание Карл Поппер – от потребности владения ею) вызывает, в свою очередь, целый ряд вопросов, в частности, существует ли некая общая, присущая всем людям потребность в философии и каким образом исторические обстоятельства влияют на интерес всего общества к философии, в состоянии ли сама философия пробуждать этот интерес (а вслед за интересом также и потребность в философии) или это зависит от нефилософских факторов и т.д.

Можно выдвинуть еще очень много подобного рода вопросов, однако, на мой взгляд, большинство этих и уже выше поставленных вопросов близки друг другу по своей сути. В то же время в данной работе мы исходим из того, что поляки являются также европейцами. Это утверждение является очевидным как для самих поляков, так и для польской философии, при этом оно нуждается в кратком комментарии.

Во-первых, определение поляков, прежде всего, как европейцев, а тем самым постановка пред польской философией задачи соответствия требованиям, которые возникают перед философией ввиду принадлежности поляков к Европе, в определенном смысле является произвольным решением. Европейский характер трактуется здесь, как исходная идентичность, а польский характер и остальные национальные характеры, как различные "вариации" этого европейского характера. Произвольность основывается на том, что в пользу такой постановки вопроса не свидетельствуют никакие существенные доводы. Во всяком случае, эти доводы не сильнее тех, которые потребовали бы трактовки отдельных национальностей как основных и изначальных идентичностей, а европейского характера, в свою очередь, как определенного дополнения, причем не самого существенного. Сторонники второй позиции иногда обвиняют сторонников первой в пропаганде панъевропейской идеологии, однако это обвинение несправедливо, поскольку в ситуации, когда ничто не свидетельствует в пользу одного выбора более, чем другого, а также когда противоположенной стороне можно предъявить то же самое обвинение, более того, когда речь не идет об общем видении мира, а, скорее, об иной расстановке акцентов, то в данном контексте нет смысла говорить об идеологии.

Во-вторых, Европа является чем-то гораздо большим, чем определенное географическое пространство и система экономических связей, а это "что-то большее" является, как я упоминал, скорее, определенным теоретическим конструктом, нежели актуальной реальностью. Такое определение европейской культуры, а прежде всего европейской идентичности, не означает, что этот "европейский характер" нельзя реконструировать как исторически определенное

бытие, явно отличающееся от иного бытия этого рода, не входящего в сферу "европейского характера". Однако, если мы говорим о потребностях, то должны осознавать, что европейская культура и, прежде всего, европейская идентичность являются бытием динамичным, более того, подверженным сознательному моделированию и что именно от нас зависит способ "становления" Европы.

В-третьих, в результате изоляции, в которой находилась Польша из-за коммунизма и зависимости от СССР, для поляков стала вопросом сама принадлежность к Европе. Иными словами, независимо от того, как фактически обстоят дела (мы лично исходим из того, что европейский характер польской культуры является фактом), эта принадлежность как для самих поляков, так и для польских философских кругов является в настоящее время вопросом, влияющим на способ восприятия собственной идентичности. Эта изоляция привела к тому, что вместо утверждения "мы – европейцы", многие поляки спрашивают: "мы европейцы?".

Этого же рода идентификационную неопределенность можно также заметить в философском дискурсе. В Польше принято повсеместно исходить из принципа о необходимости ликвидации ее цивилизационного отставания от Европы, однако аксиомой считается то, что, ликвидируя это отставание, страна и поляки пройдут тот же путь, который прошли западноевропейские общества. Например, М. Вильчинский обращает внимание на то, что Польша в недалеком будущем должна будет столкнуться с теми же вызовами, с которыми уже на протяжении многих лет сражается Западная Европа. К их числу можно отнести консюмеризм, падение интереса к общественной жизни, универсализацию эстетического вкуса, спровоцированные вездесущими СМИ, коммерциализацией культуры и т.п. По мнению автора, "фундаментальный парадокс основан на том, что неизбежная модернизация Польши состоится одновременно с ее постмодернизацией" [11, с. 7].

С этим взглядом трудно согласиться. Однако вернемся к вопросу о философии, в которой в настоящее время нуждаются поляки. Ответ на этот вопрос можно поискать двумя способами. Первый способ сводится к историческому анализу, в который следует включить философские концепции XIX и XX веков (до конца периода ПНР). Эта периодизация основывается не на том, что польская философия возникла лишь в XIX столетии, а на том, что утрата государственной независимости поставила перед польскими мыслителями вопрос польского характера как определенного идеального пространства, в котором Польша (так же, как идеальное бытие) могла бы существовать и развиваться.

Второй способ, в свою очередь, основывается на идентификации этих потребностей, что само по себе является трудным философским начинанием. Успехом этого начинания можно было бы, в принципе, считать найденный ответ на вопрос, содержащийся во вступительной

части наших размышлений: насколько в действительности удовлетворило бы нас суждение о том, что мы нуждаемся в философии, способной удовлетворять именно эти конкретные потребности? В противном случае мы обязаны представить общие черты этой же философии, а также разрешить вопрос, может ли этим уже конкретным, идентифицированным потребностям отвечать какая-либо философия, а также имеет ли право на жизнь своеобразная конкуренция различных философских течений и теорий, каждая из которых пыталась бы выйти на встречу этим потребностям.

В поисках ответа на вопрос о философии, удовлетворяющей потребности современных поляков, в первую очередь следует вспомнить о концепциях "польской национальной философии XIX века". Несмотря на то, что эти "философско-независимые" концепции возникали в условиях диаметрально отличающихся от тех, в которых развивается современная польская философия, следует, тем не менее, признать их существенными, поскольку именно в XIX веке философия стала восприниматься как интегральная часть польской национальной культуры и идентичности. Тем, что связывает эти концепции, вне всякого сомнения, является существование достаточно ясно определенной оппозиции между Польшей и ее внешним окружением, в котором, о чем еще пойдет речь, Западная Европа и западная философия занимают наиболее видное место. Создания польской национальной философии добивались многие мыслители того времени. Например, Б. Трентовский, отнюдь не сомневаясь в значимости и пригодности европейской, прежде всего немецкой философии, считал, что эта общая, универсальная философия перестала быть пригодна для решения специфических польских вопросов. Согласно Трентовскому, польская национальная философия должна стать отражением польского характера, поэтому следует очистить немецкий идеализм от всех немецких налетов и определенным образом приспособить его к польским потребностям. Польская философия должна также стать основой обучения и воспитания, а, следовательно, сознательного формирования нации [см.: 9]. Генрих Каменский также считал "польскую народную мысль" единственным средством анализа действительности, ведущим к ее истинному познанию, благодаря которому поляки смогут отыскать свой путь к независимости [4, с. 1]. Кремер и Либельт, в свою очередь, пытались "приспособить" к польским потребностям философию Гегеля.

В XIX веке появляется мотив кризиса, в котором оказалась польская интеллектуальная жизнь, кризиса, который окончательно привел к потере независимости. «Несчастливые обстоятельства, - писал о Польше в XVIII веке Й. Быховец, – (...) понемногу сужая просвет, покрыли позже наш народ темной ночью. В то время, как наши бодрствующие соседи усовершенствовали свой взгляд, мы проспали в беспокойном сне сто тридцать восемь лет, что явилось впоследствии

причиной самых ужасных несчастий» [1, с. 135]. Сегодня легко также поддаться искушению оправдания различных слабостей или неспособности соответствовать определенным требованиям внешними обстоятельствами, которые, навязав Польше марксистскую философию как официально обязательную, сегодня по-прежнему продолжают, якобы, препятствовать добросовестному философскому труду.

Анализ причин и механизмов интеллектуального упадка должен был стать, по замыслам философов XIX века, своего рода диагнозом, позволяющим найти "средства спасения", в то же время, похоже, что современная польская философия должна все-таки избегать мышления в "кризисно-исторических" категориях [5, с. 75]. Поиск причин слабости польской философии во внешних факторах, безусловно, является приятным занятием. В последнее время даже приходят к выводу о том, что эта философия является жертвой, страдающей за чужие грехи (что можно интерпретировать вслед за Тишнером как проявление мессианского мышления), однако при этом сторонники такого подхода сводят пространство творческих поисков к тому, что уже было. Возможно, ориентируясь на подлинные потребности поляков, польская философия должна сделать предмет своей рефлексии новые, беспрецедентные события, такие, как, например, падение коммунизма и вступление Польши в Европейский Союз.

Итак, в XIX веке постепенно возрастает интерес философов к польским вопросам. Действительно, в начале столетия постулировалось, что философия должна "помогать" человеку в жизни, а, начиная с тридцатых годов, этим человеком все чаще становился поляк. Глядя на развитие философского дискурса с перспективы сегодняшнего дня, кажется, что в тридцатые годы был приведен в движение определенный процесс, который привел к тому, что судьбу Польши стали считать одним из основных философских вопросов. Мессианизм польской философии XIX века приобретал различные формы и у разных мыслителей выступал с различной степенью напряженности. В то же время, именно благодаря ему, повсеместно распространилось убеждение в том, что философия в состоянии решать основные вопросы Польши (понимавшейся в то время, скорее, как идеальное бытие), однако для того, чтобы соответствовать этой задаче, она должна отличаться от философии других народов.

Из анализа философии XIX века можно сделать определенные рекомендации относительно путей, по которым должна развиваться философия XXI века. Одна из таких рекомендаций опирается на метком замечании о том, что решения польских вопросов вообще ищутся там, где эти вопросы не возникали. Например, много внимания посвящается немецкой философии, при этом предпринимается попытка ее приспособления к польской "национальной ментальности". Немецкий идеализм или отбрасывался полностью [3, с. 217], или смягчался путем отождествления абсолютной идеи с личным Богом. Впрочем, польская

філософія в XIX веке не была антирелигиозной, и вне зависимости от того, какая философская система выстраивалась (или постулировалась), целью этой философии оказывался возвращение человека к Богу и окончательная связь философии с религией [12, с. 95].

Философский мессианизм XIX века позволяет сделать один важный вывод. Желая приблизить философию к жизни и привлечь ее к делу вывода поляков из кризиса (не только политического, но и экономического), многие мыслители поддались искушению своего рода абсолютизации польских вопросов, а значит не только их трактовки так, как будто они представляют собой универсальную значимость, а, прежде всего, как поиска доказательств идеи о том, что от разрешения польских вопросов зависят судьбы всего мира. Кроме представителей мессианства (взгляды которых в большей степени можно было отнести к литературе, нежели к философии, что отнюдь не означает отсутствия их влияния даже сегодня) таким же образом понимал Польшу, например, А. Тешковский [2, с. 138].

Характерным для польской философской рефлексии XIX века является постулат приближения философии к жизни, создания "активной" философии, способной решать практические вопросы. Здесь, конечно же, имелись в виду не все вопросы, над которыми бились поляки, а один фундаментальный вопрос – вопрос обретения независимости (по крайней мере, независимого национального бытия, поскольку некоторые панславистские концепции определяли Польшу место среди славянских народов, во главе которых стояла бы Россия). Даже те философы, которые, подобно Тешковскому, акцентировали потребность "органической" работы или экономического и организационного усилия, трактовали эту заботу о материальном благе как средство, ведущее к росту значения и силы всего народа

Как известно, попытки создания польской национальной философии, совершившиеся в XIX веке, не принесли значительных результатов. Но в этом нет ничего удивительного – это отнюдь не означает, что, как считали прежде, поляки как народ не способны к философской рефлексии. Следует отдавать себе отчет в том, что само постулирование философии, приближенной к жизни, активно и политически ангажированной (особенно при трактовке политической ангажированности почти как непосредственной политической деятельности) является, по своей сути, внутренне противоречивым. Философия является теоретической областью, занимающейся вопросами самыми общими и отдаленными, уже по своему определению она оторвана от жизни. Философские абстракции невозможно приблизить к вопросам повседневной жизни, в независимости от того, кого они касаются: личности, общества или всего народа.

От амбициозных постулатов отказалась позитивистская философия, создав тем самым благоприятную почву для возникновения

львовско-варшавской школы, ставшей первым значительным в европейском масштабе успехом польской философской мысли. Правда, в настоящее время осуществляются попытки обращения к наследию этой школы, при этом становится сомнительной убежденность в том, что аналитическая философия является единственной, которая заслуживает право на то, чтобы называться философией (она свойственна большинству аналитических философов за исключением тех, которые, подобно Карлу Попперу, не считали себя таковыми), нет и не может быть ни одной, ни малейшей мотивации, склоняющей к занятиям именно этой философией. При этом, безусловно, тот факт, что львовско-варшавская школа была польской философской школой, имеет немаловажное значение.

Если что и стоит сохранить из традиций львовско-варшавской школы, то уж наверняка не аналитическую философию (что отнюдь не означает, что в Польше не следует заниматься аналитической философией), а убежденность (причем подтверждаемое действием) К. Твардовского в том, что философия, как впрочем, любая теоретическая деятельность, должна быть автономной областью, независимой от мировоззрения, а тем более от текущих политических событий. Стоит подчеркнуть, что для Твардовского это не являлось позицией, которую следовало бы подтверждать в ходе философского размышления, но предпосылкой, из которой философ должен исходить в своем философствовании.

Марксизм в определенном смысле также был философией поступка, поскольку трактовал сам себя как исторически неизбежный этап понимания и преобразования мира. Марксистская философия не столько отрицала смысл использования ключевых философских понятий, сколько эти понятия упрощала или попросту вульгаризировала [см.: 7]. Вместо того, чтобы искать, например, правомочные источники познания, либо размышлять над постижением истины, марксизм приступил к описанию общества таким, каким оно должно быть в соответствии с концепцией о классовой борьбе и окончательной победе рабочего класса. Нет ничего удивительного также в том, что марксизм оказался эффективным инструментом власти, укреплявшим концепцию (которая, как правило, не артикулируется), что задача философии заключается в преобразовании окружающего мира, а философия, уклоняющаяся от этой задачи, не имеет никакой ценности и в большей степени является личным хобби, нежели национальной философией.

Однако такого рода анализ относится, прежде всего, к выводам, касающимся ошибок, допущенных в прошлом и которых можно избежать в настоящее время. Но для того, чтобы определить тип философии, в которой поляки в настоящее время нуждаются, следует также определить, на чем основываются своеобразие и особый характер ситуации Польши в первые годы XXI века. Не подлежит сомнению тот факт, что польский характер не является единственным показателем

нашей идентичности. В условиях глобализации поляки оказались в ситуации, в которой они вынуждены определить свою принадлежность к более широкой общности, нежели национальная общность или же отказаться от этой принадлежности, при этом они не могут выстраивать собственную идентичность без этого определения. Более широкой общностью для поляков является Европа. Причем следует отметить, что значение понятия "Европа" не следует сужать до Европейского Союза, который до настоящего времени является, скорее, общностью экономической и политической, нежели культурной. Общность культуры (или культур) по-прежнему является, скорее, идеей, нежели одобренным всеми заинтересованными сторонами проектом, ожидающим своей реализации или, тем более, реальной действительностью.

Определение польской идентичности как элемента "европейского характера" не может быть сформулировано и на почве религии, поскольку глобализация, в упрощенном понимании, является культурным процессом, а не религиозным феноменом. Иными словами, желая обосновать принадлежность Польши к Европе, нельзя ссылаться на христианство, исповедуемое с давних пор также и неевропейскими народами.

Было бы ошибкой считать, что философия должна дать готовый ответ на вопрос о месте Польши в Европе. Возложение на философию такого задания явилось бы соотнесением с концепциями национальной философии XIX века и означало бы приговоренность философии к ее маргинализации и окончательному поражению. Польская философия на самом деле должна предпринять попытку понять место и значение Польши (прежде всего в культурном смысле) в Европе, однако философская рефлексия не должна что-либо "давать". Иными словами, философы должны размышлять над польской идентичностью как идентичностью европейской без оглядки на практическую (единственно политическую или медиальную) полезность и популярность формулируемых обобщений.

В то же время постановка под сомнение постулата практической философии, непосредственно ангажированной в преобразование мира, отнюдь не означает, что польская философия должна перестать интересоваться общественной и политической действительностью. В то же время разговор о французской, американской или английской философиях как о национальных (вместо о философии во Франции, Англии и США) является вполне правомочным так же, как и разговор о существовании радикальных различий между французской и американской "общественно ангажированной" философией. Хотя в основание этих философий не положено осознанное желание создания национальной философии, но, тем не менее, философы выражают национальные особенности, а также нечто, что можно было бы назвать духом французской и американской культуры. Как заметил Р. Рорти, эта

национальная специфика часто осложняет взаимное понимание американских и французских философов, однако эти трудности легко преодолимы, благодаря осознанию отличий философских и культурных традиций обеих стран [8, с. 329].

Должна ли в таком случае польская философия пренебречь заботой о сохранении собственного своеобразия и сосредоточиться над тем, чтобы стать, скорее, философией в Польше, нежели польской философией, трактуя такой подход как рецепт на определенным образом протекающее само по себе формирование польской философии? Возвращаясь к вопросу, вынесенному в заглавие, следовало бы констатировать, что эта проблема совершенно несущественна в контексте аутентичной потребности в философии. Если мы предположим, что философия должна удовлетворять потребности поляков, тогда вопрос, должна ли философия быть "польской" или "в Польше" становится равнозначным вопросу, являются ли эти потребности "польскими" потребностями или же потребностями "в Польше". Большинство философов, наверняка, согласилось бы с тем, что такая формулировка приближает нас к границам смехотворности.

Выводы

Очевидно, что поляки не нуждаются в философии, изыскивающей аргументы для убеждения их в том, что они являются европейцами и ни в чем существенном от европейцев не отличаются. Эта философия должна также с большой осторожностью пользоваться определением "европейская интеграция", потому что в Польше эта формулировка вместо того, чтобы означать "соединение европейских стран и народов в единую целостность" (эта дефиниция не очерчивает границы сохранения своеобразной идентичности этих стран) она слишком часто означает "присоединение Польши к Европе". Ведь как у европейцев, у поляков, в общем, те же самые вопросы, они также ищут смысл жизни, подвергаются искушению чрезмерного консюмеризма, подвергаются процессам глобализации, ощущению потерянности, неуверенности существующей идентичности и т.д. В действительности ни одна из философий не в состоянии дать дефинитивные ответы, в то же время она может подвергать их философской рефлексии, формировать язык, облегчающий их понимание, и, наконец, предостерегать перед угрозами, которым в результате упомянутых факторов в настоящее время подвергается каждый человек, как поляк, так и европеец.

И хотя идея о том, что поляки нуждаются, прежде всего, в польской философии (хотелось бы добавить: как философии европейской) может показаться банальной, однако лишь о такой философии можно сказать, что она удовлетворит "философские потребности" поляков. Однако эта философия, прежде всего, должна стать философией в полном смысле этого слова. Она не может трактовать Европу как абсолют, а себя саму как собрание комментариев к европейским (и американским) философским текстам.

Перспективы дальнейших научных исследований

Представляется возможным провести дальнейший анализ того, как философия в Польше стремясь быть польской философией, должна включиться в процесс формирования "духовного облика" Европы, поскольку в противном случае ей уготована участь на долгое время оставаться собранием примечаний, полных мировоззренческой запальчивости.

Источники

1. Bychowiec J., *Uwagi nad filozofią*, w: *Jakiej filozofii Polacy potrzebują*, ред. и обработка W. Tatarkiewicz, Варшава 1970.
2. Cieszkowski A., *Ojczyzna nasza*, Париж 1848.
3. Dowgird A., *Rzeczywistość poznać ludzkich*, w: *Jakiej filozofii Polacy potrzebują*, ред. и обработка W. Tatarkiewicz, Варшава 1970.
4. Kamieński H., *O prawdach żywotnych narodu polskiego*, Брюссель 1844.
5. *Kryzys kultury europejskiej?*, под ред. L. Żuk-Lapińskiej, Жешув 1997.
6. Laskowska-Stasjuk I. *Czy filozofia jest potrzebna?*, „Res Humana” 2000, № 6.
7. Mejbaum W., *Materializm subiektywny. Zarys epistemologii marksistowskiej*, Вроцлав 2002.
8. Rorty R., *Obiektywność, relatywizm i prawda*, Варшава 1999.
9. Trentowski B., *Chowanna, czyli system pedagogiki narodowej jako umiejętności wychowania, nauki i oświaty, słowem wykształcenia naszej młodzieży*, Познань 1842.
10. *Filozofia wobec XXI wieku*, под ред. L. Gawora, Люблин 2004.
11. Wilczyński M., *Antypostmodernizm polski*, „Czas Kultury” 1994, № 5-6.
12. Zabelowicz A.I. *Co to jest filozofia*, w: *Jakiej filozofii Polacy potrzebują*, ред. и обработка W. Tatarkiewicz, Варшава 1970.

Стаття надійшла 28.11.2008 р.